

"Из семинарии меня выгонял лично Филарет Денисенко"

Беседа с клириком Псковской епархии отцом Павлом Адельгеймом

– Отец Павел, ваше детство прошло в детдоме, а потом вы с мамой жили на спецпоселении в Казахстане. Кто вас привел к вере?

Отец Павел Адельгейм,
1950-51

– "Никто не приходит к Отцу, как только через Меня" (Ин. 14, 6). "Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня" (Ин. 6, 44). По смыслу евангельских слов, приводит к Богу Он Сам. Можно говорить только об обстоятельствах и людях, через которых Бог касается человеческого сердца. У меня есть отрывочные воспоминания о храме из самого раннего детства. Сознательно я вошёл в церковную жизнь в Караганде. Когда отца арестовали, мать со мной на руках пошла в НКВД, добиваться правды. Её арестовали, а меня отправили в детский дом. Это был мой первый срок в детском доме. Когда мать освободили, мне было лет пять. Года через два ее опять посадили, а меня отправили в детский дом на второй срок. В детском доме я пошел в первый класс. Мать осудили и отправили по этапу в Казахстан. В казахстанской ссылке мы с ней прожили до смерти Сталина. Мать работала табельщицей огромного гаража в поселке Ак-тау Карагандинской обл. Я учился в школе. Однажды поехал в Караганду и "случайно" нашел православную общину отца Севастьяна в Большой Михайловке. С тех пор я бывал там регулярно. После смерти Сталина мы переехали в Караганду, маму взяли в драмтеатр, в Михайловку мы ездили вместе. Там был молитвенный дом, но служить в нем не разрешали власти. Поэтому приходилось служить по ночам в частных домах. Эти богослужения организовал о. Севастиан, келейник старца Нектария из Оптиной пустыни. Церковная община всегда имеет стержень, вокруг которого формируется её духовная жизнь. Таким стержнем в Б. Михайловке был о. Севастьян.

о. Павел Адельгейм

Остались впечатления от ночных богослужений, чтения страстных Евангелий, общих трапез. Служили мы тайно в разных домах на переносном антиминсе. Богослужения продолжались всю ночь. В 21 час начинали Всенощную, потом Литургию. В пять часов утра все заканчивалось, и я шёл спать. Все расходились. Отец Севастьян пил чай, и шел в другой дом служить обедницу, а потом начинались требы. Их разрешали служить в молитвенном доме.

Приход был большой. Число прихожан совпадало с числом жителей. По составу это были раскулаченные переселенцы. По соседству располагались немецкие поселения со строгой планировкой улиц, чистотой, порядком, палисадниками возле каждого дома. Иногда вдвоём с батюшкой мы путешествовали на Мелькомбинат, где жили многие из прихожан. Мы выходили утром, пока было прохладно. Батюшка шел лёгкой походкой в сапогах и подряснике. Мелькомбинат находился километрах в трёх от Б. Михайловки. Это был большой посёлок с крепкими крестьянскими хозяйствами. На бесплодном песчанике всё росло и цвело, как в Земле Обетованной. Крестьяне сами копали колодцы, придумывали технику. Семьи были многодетные, по восемь – десять человек. В семьях сохранялся патриархальный уклад.

Одной из первых серьёзных книг для меня было "Введение в философию" Челпанова. Мне понравился "Отечник", и я перечитал все патерики. Однажды власти разрешили послужить в молитвенном доме Великую Пятницу, Субботу и Пасху к радости всего прихода. В книге об отце Севастьяне есть фотография, где я запечатлён на общем снимке с ним. Отец

Севастьян был невысокого роста, худенький, седые и редкие, но длинные волосы и седая борода. Собор 1988 г. его прославил одним из первых среди новомучеников. Батюшка пробудил мой интерес к церковной жизни. Моё решение служить Церкви созрело в тринадцать лет. Это действительно был замечательный Пастырь, и общение с ним привело меня в храм навсегда. С тех пор моё сознание нашло точку опоры в Промысле Божиим. Тайна Промысла открывалась мне в жизненных обстоятельствах. С тех пор Промысел Божий строит мою судьбу, а я только принимаю её с благодарностью Богу.

– Вы были послушником в Киево-Печерской Лавре, как Вы попали туда, если можно, расскажите о том, какова была жизнь и устройство обители в то время?

– Из Казахстана Бог привёл меня в Киев. В Киеве жил мой дед Павел Бернардович Адельгейм. Под Киевом он имел землю и заводы в Турбово и Глуховцах. В Киеве у него был дом. После революции его отняли. Семья осталась жить в двух комнатах. Потом всех разметали жизненные бури. Дедушку расстреляли в 1938, бабушка умерла в инвалидном доме. В Киеве оставались родственники. Приехал я к ним. В 1954 году я стал послушником Киево-Печерской Лавры и поселился в монастыре. Приняли меня неофициально. Тогда я был ещё несовершеннолетним. Жил в келье строгого монаха игумена Феодосия (Сердюка), регента правого хора. Левым клиросом управлял епископ, настоятель монастыря. Епископ был большого роста, с хорошим басом. Его я видел только издали. Позднее всех монахов выписали, и монастырь закрыли, по-моему в 1961 году. Проповедником в Лавре был отец Пафнутий (Россоха). За всенощной он в мантии и епитрахили обычно читал шестопсалмие. Иеромонах Пафнутий дружил с отцом Феодосием. Мне повезло участвовать в их келейном правиле до – и после богослужений. Богослужения были очень торжественными и долгими. Мне дали послушание чтеца. Читать приходилось много, постоянно, это не было обременительно, напротив, я пристрастился к чтению и выполнял своё послушание с радостью. Хоры пели антифонно, а на догматик, на Великое славословие и т.д. сходились вместе на середине храма и звучало торжественное пение обоих хоров. Литургии служились многократно: в центральном храме и других храмах на Дальних и Ближних пещерах, служились в пещерных храмах.

Жизнь монастыря была размеренной, строгой и содержательной. Рано утром совершали "полунощницу" и Литургию, в 8 часов давали рабочим завтрак, пили чай и шли на работу.

Вторым послушанием была обычная физическая работа. На дальних пещерах копали и носили землю, в 13 часов был обед, до пяти часов работали. Потом бежал в храм читать Малое Повечерие и начиналось богослужение. Так изо дня в день, но как-то находилось время для общения и чтения книг. Я был постоянным чтецом за ранними и вечерними богослужениями. У меня была хорошая дикция и "луженая глотка". Читал я неумоимо и с наслаждением. Мог читать по многу часов. Позднее, в Ташкентском Соборе на мне лежали все чтения. Я так втянулся, что чтение не было обременительным. С утра я прочитывал всю Утреню, Часы и Вечерню за Преждеосвященной Литургией. Третье послушание мне тоже нравилось: водить по пещерам паломников и туристов и проповедовать им Евангелие. В монастыре я прожил до 1956 года.

Атмосфера монастыря, чтение Патериков и Житий, общение с иноками воспитали во мне благоговейное отношение к монашеству, и я предполагал для себя монашеское будущее до самого конца учёбы в семинарии. Но Промысел Божий указал мне другой путь.

– В 1956 году вы поступили в Семинарию, откуда вас в 1959 году исключил по "политическим мотивам" Филарет Денисенко. В советское время под этим термином скрывались совершенно разные вещи, не могли бы Вы рассказать об этом эпизоде из своей жизни?

– Из Лавры я поступил в Киевскую семинарию, когда мне исполнилось 18 лет. Семинарская жизнь была следующим светлым и радостным периодом моей жизни.

У нас были замечательные педагоги. Ректор протоиерей Николай Концевич и инспектор протоиерей Константин Карчевский. Незабываемые люди. Мне нравилось учиться, учился я отлично.

Много времени проводил за чтением. Изобилие книг, о которых можно было только мечтать в те годы. Нам давались темы по всем дисциплинам, и нужно было написать несколько сочинений в течение года. За каждую пятёрку по сочинению платили пять руб. Это были деньги, дополнявшие стипендию, тоже пять руб.

Потом сменили Ректора и инспектора, на третий год снова поменяли, и пришёл игумен Филарет (Михаил Денисенко). Ему тогда было тридцать лет. Инспектором назначили священника В. Муратова (позднее он снял с себя сан и работал на каком-то заводе). У меня был круг близких друзей. Нас было пятеро, и Муратов называл нас "благочестивыми негодьями". Было несколько эпизодов, которые приписывали мне, хотя я о них узнал спустя несколько лет после ухода из семинарии. Участвовал я в двух эпизодах.

Первый, с крестиками. Лёня Свистун предложил сделать всем семинаристам значки из бронзы, завинчивающиеся на чёрном семинарском френче. Ребятам понравились желтые полированные крестики на черном фоне. Нашли токаря, который вытачивал их по 5 руб., собрали деньги. Семинарское начальство с удивлением увидело значки на всех семинаристах и начало борьбу со значками, применяя физическую силу для их изъятия.

Второй эпизод связан с празднованием Первого мая. В 1959 году оно пришлось на Великую Пятницу, день сугубого поста. Филарет назначил торжественное собрание, во втором отделении хор с патриотическими песнями. Леня Свистун предложил мне пойти к ректору с протестом. Мы пошли, и Филарет произнёс воспитательную речь о любви к советской власти: "я сын шахтера, стал архимандритом и ректором. При какой другой власти это могло бы случиться? Под чьим небом вы живёте? Чей хлеб едите? По чьей земле ходите? Вы неблагодарные, вас советская власть учит..." и т.д. Это была последняя капля. Инициативу разговора, видимо, приписали мне. Леня был социально близким, сын рабочего, отец погиб на войне, а моего отца расстреляли как "врага народа".

Конечно, я был на торжественном собрании 1 мая, слушал речь Филарета о солидарности трудящихся, пел с хором "Коммунистической партии хвала", кстати, красивое музыкальное произведение и другие песни. Протест был последней каплей, и Филарет перед экзаменами заставил меня написать заявление об отчислении из Киевской семинарии "по собственному желанию".

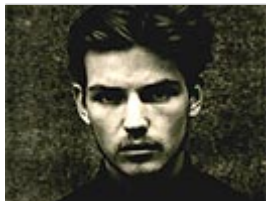
– **В конце 70-х мне довелось служить в армии в Туркестанском военном округе, в Ташкенте и я ходил на службу в собор, построенный архиепископом Ермогеном (Голубевым), который вас рукополагал.**

Архиепископ Ермоген,
1968

– Архиепископ Ермоген был незаурядным архиереем. Он любил Церковь и служил её интересам вопреки своим личным интересам вплоть до самопожертвования. Он действительно построил в Ташкенте собор. В 1958 году, когда хрущёвская власть запрещала в храмах даже косметические ремонты, архиепископ построил в Ташкенте великолепный кафедральный собор. Он выстроил Новый собор вокруг прежнего, оставив старый собор внутри, а затем его разобрали и вынесли. Внутри собор был отделан золотом и мрамором, рассчитан тысяч на 7 народа. Рядом был придел во имя вчм. Пантелеимона. Сейчас храмы строят десятками, их строительство никого не удивит в наши дни. То, что похвально сегодня, в то время считалось преступным и могло стоить не только свободы, но и жизни. Строительство

Ташкентского собора было подвигом, за который Владыка заплатил своим положением. Последние 17 лет он провёл в Жировицком монастыре. Мне посчастливилось видеть епископов, которые не искали личного благополучия. Они отдавали жизнь за свою паству: "душу Мою полагаю за овцы". Пройдя через все испытания советской репрессивной машины, архиепископ Ермоген (Голубев) до конца жизни сохранил верность интересам церкви.

Отец Павел Адельгейм.
После рукоположения

Совет по делам религий при Совете Министров СССР завёл жёсткий порядок регистрации духовенства. Епископ должен был "согласовывать" кандидатуру священника прежде его рукоположения и назначения. Архиепископ Ермоген не подчинился этому порядку. Он сперва рукополагал и назначал священника, а затем с Указом на руках посылал за регистрацией к уполномоченному Совета. Такая практика вызывала раздражение уполномоченного.

Архиепископ организовал епархиальную гостиницу. Приезжая в Ташкент по вызову архиерея или по личной нужде, каждый клирик бесплатно получал уютную комнату, завтрак, обед и ужин. Гостиница не имела коммерческой цели. Владыка заботился о клириках.

Архиепископ распорядился приобрести причтовый дом для каждого храма Ташкентской епархии. Были выделены епархиальные средства и куплены дома. Каждый священник и диакон ташкентской епархии, приезжая на приход, получал благоустроенное жильё.

Своим Указом архиепископ запретил младшим клирикам делать подарки старшим по положению. Только старшие могли одаривать стоявших ниже на социальной лестнице. Такое положение исключало симонию и коррупцию.

Вскоре после назначения на кафедру епископ Ермоген написал Распоряжение:

"Ко мне обратился настоятель одного из приходов с приглашением совершить богослужение в день Престольного праздника. При этом он выразил озабоченность по поводу расходов, необходимых для приёма архиерея и сопровождающих клириков. Довожу до сведения всех настоятелей храмов, что архиерей будет посещать каждый храм своей епархии и совершать богослужение. Приходы не несут никаких расходов, связанных с посещением архиерея. Все расходы по приёму архиерея и сослужащих ему клириков возлагаются на Епархиальное Управление".

Где нашёл епископ средства для столь щедрой благотворительности?

В пятидесятые годы духовенство РПЦ получало доходы от "кружки". Деньги за требы и пожертвования клались в кружку, опечатанную приходской печатью. Раз в месяц "кружку" делили. Собирался весь причт, снимали печать, считали деньги. Две части оставляли на храм, одну часть отдавали причту. В то время духовенство облагалось по ст. 19 Налогового кодекса, исчислявшей процент налога по прогрессирующей шкале. Размер налога мог вырастать до 95 % от суммы годового заработка. В качестве налога духовенству приходилось отдавать суммы, превышавшие заработок. Причём, духовенство, как и осуждённые в СССР, было лишено социального страхования: пенсий, бюллетеней, оплаты инвалидности, обеспечения жилищем и транспортом, санаторно-курортного лечения и прочих социальных льгот.

Архиепископ Ермоген ввёл новую форму оплаты. Всё духовенство Ташкентской епархии перешло на твёрдые денежные оклады. Оклады были минимальными, в пределах 100-150 рублей. Все приходские средства епископ сосредоточил в своих руках, купил на них облигации 3 % золотого займа, который ходил в свободном обращении и начал выдавать премии всему епархиальному духовенству к каждому празднику по 1000-3000 рублей. Кроме

дванадцатых и Престольных праздников он давал премии к Покрову, Рождеству и Усекновению Иоанна Предтечи, свят. Николая и другим праздникам великих святых. К рождению ребёнка, на свадьбы или похороны выделялись духовенству деньги в размерах 5000-10 000 руб.

Когда финансовые органы потребовали выплаты налогов от премиальных средств, архиепископ обратил их внимание на государственную гарантию, обеспечившую каждую купюру: "не подлежит обложению никакими налогами и сборами". Ограничусь одним аспектом многосторонней деятельности архиепископа Ермогена, поскольку подробное освещение его деятельности не вместят рамки интервью.

– В 1964 году вы закончили Московскую духовную семинарию и стали священником, в 1969 году вас арестовали и осудили по 190 статье. В чем была причина Вашего ареста?

– Почему меня арестовали теперь можно только гадать. Первая причина, предположительно, строительство храма. Слишком я примелькался со строительством. Постоянно летал из Бухары в Ташкент, в Москву, добывал то стройматериалы, то иконостас взорванного в Москве Преображенского собора, то возил мрамор для внутренней отделки и т.д.

Вторая причина – донос бывшего друга и одноклассника Лени Свистуна, который я прочёл при ознакомлении с делом перед судом. Наш общий друг и одноклассник, отец Милий Руднев рассказал мне, что именно Филарет Денисенко заставил Лёню написать на меня донос в 1970 году. Этот донос был внесён в мой Приговор: "В духовной семинарии, где я учился вместе с Адельгеймом, он высказывался против исполнения гимна Советского Союза и хвалебных песен в адрес Советского государства. Лиц, которые исполняли гимн и хвалебные песни, Адельгейм называл хамелеонами, преклоняющимися перед властями" (Лист дела 178, т. 2).

Эту выдержку из доноса я цитирую по тексту Приговора, поскольку сам донос хранится в уголовном деле. Почерк и подпись исключают сомнения в авторстве. А смысл доноса я не мог себе объяснить, ведь в 1956 году на XX-ом съезде КПСС текст гимна был запрещён, и его никто нигде не пел. Это был клеветнический донос.

При обыске у меня изъяли много литературы и стихов. И обвиняли, что я сам написал поэму "Реквием" и ряд других "нехороших" произведений, а приписываю их Ахматовой, Волошину, Вячеславу Иванову и даже Евгению Евтушенко ("К 50-летию комсомола").

– Вы освободились в 1972 году из лагеря в Кызыл-Тепе, там вы потеряли ногу. Потом (об этом вы пишете в своей книге) вы пришли к архиепископу Варфоломею, который встретил вас с большой любовью и наградил протоиерейским крестом. Не могли бы Вы рассказать об этом человеке?

Архиепископ
Варфаломей, 1973

– К сожалению, я мало что могу сказать о нём из опыта личного общения. Мы чаще общались по телефону, когда говорить можно не обо всём. При архиепископе Варфоломее я служил в епархии три года. Ему приходилось быть очень сдержанным в общении. О каждом его шаге постоянно доносили уполномоченному. Человек он был чрезвычайно кроткий. В Кафедральном соборе остались сперва два, а затем один священник. Владыка нес седмицу поочерёдно со священником. Сам служил молебен и панихиду, сам отпевал и исповедывал. Торжественных встреч перед богослужением не было. На буднях он служил в священническом облачении и малом омофоре. Сам облачался. При этом всегда был жизнерадостен и доброжелателен. Мне кажется евангельским такой образ жизни архиерея. К нему я всегда обращался, когда было трудно с уполномоченным и казалось, всё погибло. Он всегда умел найти слова поддержки, а иногда и вступить перед сильными мира сего.

Ему можно было довериться во всём. Такой вопрос даже не вставал. Разумеется, его не интересовали деньги, доходы. Он не был меркантилен, хотя государство отнюдь не поддерживало тогда церковь материально. Теперь я даже не могу вспомнить, какие мы платили взносы в епархию. Платили или нет? В Фонд мира мы платили, и много, а в епархию?

– В 70-е и 80-е годы в Пскове и вокруг Печерского монастыря бурлила активная религиозная жизнь. Достаточно вспомнить имена Иоанна Крестьянкина, Зинона Теодора, Сергия Желудкова, Рафаила Огородникова. Кого из них вы знали, кого можете вспомнить ещё? Что это был за мир – "православный Псков"?

о. Павел Адельгейм.
После освобождения

– Разумеется, я знал их всех. О. Иоанна Крестьянкина окружал народ, и трудно было пробиться к нему. Он был очень любвеобилен и рассудителен. Мне он не раз помог правильно сориентироваться в трудной ситуации, где требовалось точно расставить акценты. Он никогда не разыгрывал прозорливого старца. Он обладал даром, которому отдавал предпочтение преп. Антоний Великий – даром рассуждения. Личным опытом и молитвой он умел помочь многим людям в их нуждах.

Отец Зинов был замечательным мастером иконописи. Как все талантливые люди, он был одарён не только живописным даром. Он хорошо говорит, умеет увлечь собеседника силой мысли и глубиной видения проблемы, изложенной сильным и красивым голосом. Начитан и эрудирован. Несколько раз он приходил в нашу школу, беседовал с учителями. Они были в восторге от этих встреч. Все его работы удивительно органичны и цельны. Он построил несколько храмов. В каждом из них архитектура органично сочетается с интерьером и живописью. Каждая деталь тщательно продумана и занимает принадлежащее ей место. О качестве икон я не буду говорить. Они совершенны. На память Пскову он оставил последний свой храм в Гверстоне Печёрского района, построенный в духе базилик Вероны. Храм из псковского известняка, с мозаиками и фресками, крытый медью, пол с подогревом – на удивление крошечной псковской деревне, в которой остался его недостроенный монастырь.

С отцом Рафаилом Огородниковым я встречался несколько раз. Знаю о нём больше с чужих слов. У него был "Запорожец", выкрашенный в чёрный цвет. Он любил быструю езду на автомобиле и при этом устраивал аттракцион. Он мог на большой скорости снять рулевое колесо с рулевой колонки, пугая пассажира. Скорость его погубила, когда он пересел на "Мерседес".

Рассказ обо всех не уложится в рамки интервью. В 2009 году исполняется 100 лет со дня рождения священника Сергия Желудкова и 25 лет со дня его смерти. Он ушёл из жизни неожиданно. Как в гости приходил. Посидит немного, выпьет единственную чашку чая и перевернёт её вверх дном. Побеседует о существенном и скажет: "мне пора". О. Сергей запомнился мне в старом пальто, тяжёлом, как вериги и облезлой шапке. Не знаю, когда он их одел, но носил до самой смерти. Сокровищ на земле он не собрал. Был человеком сильного духа, увлечённым и увлекающим других.

Он был свидетелем бурного периода нашей истории. Содержанием его жизни были богословие, литературная и общественная деятельность. Определяющей чертой была христианская проповедь. В ней находят объяснение особенности его богословия. Он разрушал стену непонимания между христианством и современным сознанием. Он остро ощущал затаившуюся тоску человека по Боге. Были изданы и сохранились три его книги: "Почему и я христианин"; "Литургические заметки" и "Общая исповедь" (пособие для священников). О. Сергей был праведником. Он проповедовал Евангелие не только словом,

но и жизнью. Мысль была для него делом, к которому он относился очень серьёзно. Он благоговейно относился к слову. У него была ещё одна добродетель: никого не осуждал. Как только зайдёт пустой разговор, уходил: "гнилое слово не исходило из уст его". Чем старше становлюсь, тем больше понимаю его и соглашаюсь с тем, чего раньше не принимал.

– Можно ли объяснить современному человеку, на современном языке, что такое грех и что такое смерть?

о. Павел Адельгейм.
Выпуск школы при
Храме Св. Жен
Мироносиц, 2005

– Смертью мы называем расщепление целостного человека на духовный и телесный состав. "Возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его" (Ек. 12, 7). Причиной смерти является грех. Мы называем злом грех и его последствия: болезнь и страдание, смерть и тление. Они вошли в мир через злоупотребление свободой. Это не качество бытия. Это повреждение замысла Божия, в котором не было греха и смерти. Грехопадение человека принесло в мироздание разрушительную стихию смерти: "Одним человеком грех вошёл в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нём все согрешили" (Рим. 5, 12). Это разделение не может пребывать вечно, поскольку в замысле Божиим о мире и человеке его не было. "Как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим" (Рим. 5, 21). В этом смысл искупления, совершённого Иисусом Христом.

Отец Павел Адельгейм
с учеником в школе

Бог восстановит нас из праха воскресением из мертвых: "умрём, но не будем как вода, пролитая на землю, которую нельзя собрать" (2 Цар. 14, 14). Мы должны противостоять греху, но не можем противостоять смерти. Христос для нас победил смерть Своим воскресением. Он не отменил смерть, а преодолел её. Он воплотился, восприняв повреждённую грехом, природу ветхого Адама и соединил со своим Божеством, пронизав её благодатными энергиями и оживив. К этой природе мы приобщаемся в таинстве Крещения. Таинство становится той почкой, которую садовник прививает к дичку, чтобы из него выросла плодоносная яблоня. Дальше дело борьбы с грехом становится задачей духовной жизни. Если садовник не будет обсекать дикие побеги, которые появляются на яблоне, напоминая о её диком происхождении, побеги разрастутся и заглушат плодоносную почку. А если будет беречь эту почку и отсекал дику поросль, почка окрепнет, из неё пойдёт побег, который претворит всю яблоню в плодоносное дерево. В этом заключается смысл духовного подвига воздержания, борьбы со страстями и похотями, преодоление искушений. С помощью Божией человек способен победить грех и наследовать "Царство, для него уготованное от создания мира" (Мф. 25, 34). Понятия о грехе и смерти обретают смысл только в благовестии о воскресении мертвых и жизни вечной. "Если Христос не воскрес, суетна наша вера и бессмысленна наша проповедь", т.е. нам не о чем говорить. Мы верим в Воскресение Христово. В нём опора нашей **надежды**, её отличие от пустой мечты.

<http://www.religare.ru/article52391.htm>